

*Н. В. Кода**

РОЛЬ СОКРЫТОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ М. ХАЙДЕГГЕРА

В статье предлагается анализ роли сокрытости (λήθη) в концепции истины Мартина Хайдеггера. После «поворота» немецкий философ все больше обращается к осмыслению сокрытости в разработке своей концепции истины, как к тому, в чем заключается главный нерв понимания истины (ἀλήθεια). Λήθη в концепции истины М. Хайдеггера является одновременно и ключом к пониманию ἀλήθεια, и тем загадочным элементом в его концепции, который неоднократно подвергался критике. Аналитика сокрытости (λήθη) в философии М. Хайдеггера осуществляется через рассмотрение следующих аспектов: сравнение «не-истины» в классической и в хайдеггеровской концепциях истины, прояснение особенностей «сокрытия, которое некоторым образом раскрывает», специфики «укорененности» ἀλήθεια в λήθη. Анализ приводит к выводу, что сокрытость (λήθη) может быть корректно понята только в контексте соотношения сокрытия-раскрытия и устремленности Хайдеггера к преодолению метафизики.

Ключевые слова: сокрытость, несокрытость, Хайдеггер, истина, ложь, метафизическое мышление.

N. V. Koda

THE ROLE OF CONCEALEDNESS IN HEIDEGGER'S CONCEPT OF TRUTH

The article offers an analysis of the role of concealedness (λήθη) in Martin Heidegger's concept of truth. After the «turn», the German philosopher turns more and more to the understanding of concealedness in the development of his concept of truth, as to what is the main nerve of understanding the truth (ἀλήθεια). Λήθη in M. Heidegger's concept of truth is both the core to the understanding of ἀλήθεια, and that mysterious element in its concept that has been repeatedly criticized. The analytics of concealedness (λήθη) in M. Heidegger's philosophy is carried out through consideration of the following aspects: comparison of "non-truth" in the classical and Heidegger's conceptions of truth, clarification of the features of "concealedness, which in some way reveals", the specifics of rootedness ἀλήθεια in λήθη. The analysis leads to the conclusion that concealedness (λήθη) can be correctly understood

* Кода Надежда Викторовна, аспирант, кафедра истории зарубежной философии философского факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; sokolova-nadya@rambler.ru

only in the context of the relation of concealment-disclosure, and Heidegger's aspiration to overcome metaphysics.

Keywords: concealedness, unconcealedness, Heidegger, truth, lying, metaphysical thinking.

Философию Мартина Хайдеггера невозможно представить без учения об истине как ἀλήθεια. Все важнейшие термины философа переплетаются, будучи глубоко взаимосвязанными. Хайдеггер в поздний период своего творчества Стремился отыскать в языке связь слов с помощью их корней, и можно сказать, что по типу такой «коренной связи» существуют и основные термины позднего Хайдеггера (ἀλήθεια, Dasein, Ereignis, Anfang и др.), которые глубоко взаимосвязаны, коренясь в одном нерасчленном корне его мысли.

Концепции истины Хайдеггера посвящено множество работ, однако исследователи уделяют мало внимания разработке вопроса о роли «не-истины» в философии мыслителя. Ведь о сокрытости (λήθη), как о противоположности истины, в отрыве от ἀλήθεια говорить не корректно, точно так же как не корректно говорить о лжи в отрыве от классической концепции истины. Когда мы обращаемся к проблематике лжи, классическое понимание истины естественным образом уже учтено нами. А в связи с тем, что истина как ἀλήθεια привычным рациональным мышлением не предполагается с очевидностью, о λήθη невозможно говорить без предварительного проговаривания ее контекста. Вероятно, говорить о λήθη, не указывая каждый раз на ἀλήθεια, было бы возможно только в том пространстве мысли, в котором ἀλήθεια уже предполагалась бы с такой же естественностью, с которой привычное мышление предполагает классическое понимание истины.

Тем не менее, «невыделенность» проблематики «не-истины» стала важнейшим центром критики хайдеггеровской концепции истины со стороны Э. Тугендхата, одного из наиболее ярких критиков хайдеггеровского учения об истине. В 1964 году на Философском семинаре Гейдельбергского университета Э. Тугендхат впервые выдвинул свои аргументы с критикой хайдеггеровского учения об истине. Одним из аргументов его критики выступил тезис о том, что в концепции истины Хайдеггера не концептуализировано учение о лжи. В связи с этим Тугендхат считал хайдеггеровскую концепцию истины несостоятельной. Имеет ли данная критика основания? Или же основания подобной критики заключаются в непонимании специфики λήθη и ее роли в хайдеггеровском учении об истине?

« НЕ - ИСТИНА » В КЛАССИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ

Прежде чем притупить к анализу «не-истины» в концепции Хайдеггера, необходимо раскрыть основные моменты учения об истине немецкого мыслителя. Ведь, как правильно отметил Тугендхат, учение об истине и учение о ее противоположности находятся в тесной взаимосвязи. Поэтому проблему «не-истины» невозможно оторвать от истины, и необходимо рассматривать только в контексте ее.

В классической концепции истины, с критики которой начинается Хайдеггер, истина выступает как согласование познания со своим предметом: *adaequatio intellectus et rei*. В связи с этим «не-истина» выступает как несоответствие. Истина и «не-истина», понятые таким образом, констатируются как нечто «окончательное» и статичное, как нечто, уже данное. В этой констатации «данности» и оказывается их преимущество.

В § 44 работы «Бытие и время» Хайдеггер отмечает следующие характеристики классической концепции истины:

1) Истина выступает как истина предложения.

2) Истина означает согласованность, а ложь — несогласованность суждения с сущим [6, с. 214].

В «Бытии и времени» зарождение данного представления об истине Хайдеггер связывает с Аристотелем и Платоном, а в более поздних работах — с Парменидом. Согласно Хайдеггеру, данному пониманию истины предшествовало другое, более древнее ее понимание, в котором истина толковалась как несокрытость сущего. Согласно этому более древнему пониманию, истина изначально существует как раскрытость сущего как такового. Ведь для того, чтобы истина высказывания могла осуществиться и выявить согласованность или несогласованность суждения с сущим, сущее должно быть раскрыто.

Тугендхат критикует тезис Хайдеггера о том, что истина предложения возникает в связи с Платоном и Аристотелем, указывая на то, что уже «Гомер говорит об истине вообще только в связи с высказыванием» [5, с. 137].

Данным замечанием Тугендхат стремится в некоторой мере «обосновать» для истины высказывания более глубокие корни. Ведь учение об истине Хайдеггера Тугендхат рассматривает исключительно с точки зрения классической истины предложения [18, S. 331], задаваясь целью наиболее полезным образом «приспособить» хайдеггеровскую концепцию истины к классической ее концепции.

Однако мысль, «рождающая» истину предложения, которая, по мнению Хайдеггера, определила специфику западноевропейского мышления последних тысячелетий, не вызревает единовременно. Ее «зародыш» можно отыскать глубоко в истории, и, можно сказать, что Хайдеггер связывает перетолкование сущности истины именно с Платоном лишь потому, что в его учении наиболее отчетливо очерчена трансформация истины (из *ἀλήθεια* в *adaequatio*). При этом Хайдеггер и в текстах Гомера отмечал трактовку истины и «не-истины», не только как *ἀλήθεια* и *λήθη*, но и как *ἄψευδής* и *ψεῦδος*. И даже в связи с Гераклитом писал о том, что и его коснулась «власть логического», которая для Хайдеггера идет рука об руку с истиной предложения [8, с. 147]. А ведь Гераклит был для Хайдеггера, как отмечал в 1951 году Мартин Бубер, «словно брат или отец» [2, с. 291], и во многом поиск другого мышления, отличного от мышления логического, был у Хайдеггера связан с исследованием текстов Гераклита.

Однако у какого бы представителя древнегреческой мысли ни обнаруживались наиболее древние «зачатки» метафизического мышления, наиболее существенным в хайдеггеровской концепции истины является то, что ей предшествовало. Столкнувшись с древнегреческим словом *ἀλήθεια* как несокрытость, немецкий философ открывает исток той мысли, что предшествует логическому

метафизическому мышлению, потому как трактовка истины как несокрытости, с точки зрения Хайдеггера, определяла древнегреческую мысль.

Истолковывая первейшее понимание истины как ἀλήθεια (несокрытость), Хайдеггер истолковывает первейшее понимание не-истины как сокрытость. А также полагает, что «любая «не-истина»» коренится в сокрытости. В работе «Парменид» Хайдеггер указывает на то, что λήθη для греков — это не тот термин, который используется в качестве ложного. Для ложности у Греков используется термин ψεύδος [10, с. 53], который коренится, по мнению Хайдеггера, в λήθη, как существенной черте всего сущего.

Когда древнегреческие смыслы переключаются в римскую культуру — истина как ἀλήθεια окончательно трансформируется в veritas, правильность, а не-истина — в неправильность. Хайдеггер отмечает, что римско-латинской концептуальности присуще мышление субстанциальными отношениями [8, с. 336], что накладывает свой отпечаток на существо истины. Со времен Декарта данная субстанциальность оформляется в трактовку истины как достоверности (certitudo), в связи с чем в качестве познания выступает только то, что «до-ставлено субъекту представлением как несомненное и что в качестве так поставленного в любой момент вычислимо заново» [7, с. 132]. А когда истина окончательно сводится к правильности, человек становится «фокусом» всего сущего [14, р. 233].

Многие исследователи критиковали Хайдеггера за подведение всей истории западноевропейской мысли под одну «традиционную концепцию истины», указывая на то, что она за прошедшую историю неоднократно подвергалась трансформации. Современный исследователь Пол Ливингстон, например, указывает на то, что сведение «традиционной концепции истины» к указанным в работе «Бытие и время» двум положениям является слабым местом в хайдеггеровской философии, поскольку существуют концепции истины, которые принимают истину как «суждение», но не принимают ее как «согласованность» [19].

Однако Хайдеггер считает, что в дефиниции истины как согласования познания с сущим, трансформации подвергались либо трактовка познания, либо понимание сущего, но не само отношение между познанием и его предметом, заложенное еще Платоном и Аристотелем. Именно это дает ему основания связывать в «Бытии и времени» начало метафизики с Платоном и Аристотелем и усматривать единство в трактовке истины в западноевропейском мышлении последних тысячелетий.

Таким образом, для того, чтобы понять, что в концепции Хайдеггера выступает в качестве «не-истины», необходимо понять вначале, в каких отношениях состоят «истина» и «не-истина» в хайдеггеровской мысли.

«НЕ-ИСТИНА» В ХАЙДЕГГЕРОВСКОМ УЧЕНИИ ОБ ИСТИНЕ В КОНТЕКСТЕ КРИТИКИ Э. ТУГЕНДХАТА

В критике Э. Тугендхатом хайдеггеровской концепции истины чаще всего исследуется проблема «двойственного характера истины» (Дж. Кокелманс (J. Kockelmans) [14], Дж. Малпас (J. Malpas) [16], К. Лафонт (C. Lafont) [15],

У. Смит (W. H. Smith) [17] и др.), однако концептуализация проблематики «не-истины» также занимает в его критике значительное место. Так, Э. Тугендхат пишет о том, что «если окажется, что концепция истины, к которой приходит Хайдеггер в § 44, не может быть разумно противопоставлена лжи, то для ее отрицания не требуется никаких дополнительных оснований» [11, р. 211]. Таким образом, «непроясненность» того, что противостоит хайдеггеровской истине, является аргументом к упразднению данной концепции как несостоятельной.

Исследователь Р. Дуитс (R. Duits) указывает на то, что данная критика возникает потому, что хайдеггеровская философия предполагает выход за пределы метафизического мышления, а Э. Тугендхат стремится осмыслить хайдеггеровскую несокрытость именно с точки зрения классической концепции истины [11, р. 209]. Э. Тугендхат, имея целью «приспособить» наработки Хайдеггера к классической концепции истины, изначально задается невыполнимой задачей, считает Р. Дуитс.

Итак, Э. Тугендхат выдвигает тезис о том, что отсутствие лжи уже нивелирует в философии Хайдеггера концепцию истины как таковую. Однако действительно ли «не-истина» отсутствует в хайдеггеровской концепции истины? Ведь следует учитывать, что противоположность истины в хайдеггеровской мысли должна иметь специфические черты, отличающиеся от трактовки лжи в классической концепции истины, что не исключает ее как таковую. Если Хайдеггер выдвинул своеобразную концепцию истины, то «не-истина» в ней тоже должна быть своеобразной.

Можно, конечно, обратить внимание на то, что в более поздних работах трактовка истины Хайдеггера, и особенно роли $\lambda\eta\theta\eta$ в ней, определенным образом отличается от ее трактовки в § 44 работы «Бытие и время». Э. Тугендхат, был знаком с «поворотными работами» Хайдеггера [18, S. 363], но он обращается главным образом к критике истины в § 44 «Бытия и времени», потому что считает это место концентрированным выражением понимания сущности истины в философии Хайдеггера.

Тезис Тугендхата о том, что «не-истина» в хайдеггеровской философии растворяется в истине, можно верно оценить только путем прояснения сущности сокрытости и специфики ее отношения к $\alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$.

Итак, почему $\lambda\eta\theta\eta$, сокрытость, не может претендовать на роль полноценной «не-истины»? Тугендхат аргументирует данное положение тем, что сокрытость в концепции Хайдеггера, в определенном роде «истину все же раскрывает», а тогда остается неясным, в чем заключается ее отличие от раскрытия, если истина и ее противоположность являются раскрывающими. «Тезис об истине как бытии-раскрывающим обладает разъясняющей силой лишь тогда, когда остаются верны той точке зрения, что ложное высказывание не является раскрывающим», — пишет Тугендхат [5, с. 139].

Тугендхат готов принять «сокрытие» как «не-истину» в том случае, если оно будет абсолютным и окончательным. Истинным в таком случае, выступало бы раскрытие, «не-истинным» — скрытие и утаивание. Сокрытие же при этом должно быть сокрытием и ничем больше.

Основное противоречие между «истиной» и «не-истиной» упраздняет именно тезис Хайдеггера о том, что сущее «известным образом уже раскрыто

и все же еще искажено» [6, с. 222]. Данное положение, считает Э. Тугендхат, упраздняет сущность «не-истины» как таковой, потому как она, будучи такой же раскрывающей, как и истина, просто растворяется в ней. А когда «не-истина» растворяется в истине — тогда и истина теряет свою сущность. По мнению Э. Тугендхата, истина в итоге сводится у Хайдеггера, к простому «обнаружению сущего», что является первой ступенью нашего опыта, не имеющей еще к мышлению в контексте «истины» и «не-истины» никакого отношения [5, с. 141]. Э. Тугендхату не нравится то, что у Хайдеггера истинность и понятность мира заключается не в том, что исследователь его критически проверяет и удостоверяет, а раскрывается сама по себе. Привлекательность хайдеггеровской концепции истины, считает Э. Тугендхат, и состоит в этом отказе от критического отношения к миру, делая «возможным непосредственное и позитивное отношение к истине, мнимое отношение к истине, которое уже не притязает на достоверность, но и не нарушается недостоверностью» [5, с. 144]. Принятие такой истины позволяет мысли не совершать лишних усилий, к которым побуждает его критическое мышление, считает Э. Тугендхат. Дж. Малпас считает, что данное положение Э. Тугендхата проистекает из нежелания допустить ту сферу мысли, в которой разворачивается философствование Хайдеггера. По мнению Дж. Малпаса, про несокрытость можно сказать, что если она и «устанавливает предел критическому исследованию, предел вопрошанию, то только в том смысле, что она выступает в качестве своего собственного основания» [16, р. 265].

Критикуемые стороны хайдеггеровского учения об истине необходимо отбросить, и использовать наработки Хайдеггера для углубления и развития классической концепции истины, делает вывод Тугендхат. К одной из таких положительных наработок относится, например, «динамичность» концепции истины Хайдеггера, которая могла бы дополнить истину предложения [5, с. 141]. Однако «истина» и «не-истина» должны оставить за собой свои места и свою определенность, по мнению Э. Тугендхата, и сокрытие должно быть окончательным, а не способным «в некоторой мере раскрывать».

Однако именно там, где, как считает Э. Тугендхат, в хайдеггеровской концепции истины заключается самое странное место, и начинается то своеобразие истины ἀλήθεια, к которому не гаснет интерес исследователей по всему миру.

ОТНОШЕНИЯ СОКРЫТИЯ И РАСКРЫТИЯ В ХАЙДЕГГЕРОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ

Требование «окончательной данности» и некоторой «окончательной фиксируемости», которых требует от сокрытия и раскрытия Тугендхат, в рамках Хайдеггеровской концепции истины, конечно, невозможно. Потому как сокрытие и раскрытие не являются некоторыми «статичными фактами» мира, зафиксированными раз и навсегда, в достоверных данных. Р. Дуитс указывает на то, что Тугендхат именно через такую «окончательность» и стремится понимать раскрытость [11, с. 212]. В данном понимании истина воспринимается

«как что-то такое, что находится по ту сторону всякого внутреннего спора, и потому должно оставаться бесспорным» [10, с. 47].

Но раскрытие, производимое несокрытостью, не может быть истолковано как научный факт. Например, как открытый закон природы, которым теперь человечество может всегда располагать как тем сущим, которое навечно стало достоянием «сферы раскрытого». В рамках древнегреческой ἀλήθεια нельзя сказать, например, как в науке, что человек, «все больше раскрывает мир» и все больше областей оказываются отвоеванными у «сокрытости». Во-первых, потому, что человек не может «удерживать» раскрытость сущего собственным усилием, если оно само, по Хайдеггеру, не раскрывается ему. Во-вторых, потому, что, согласно Хайдеггеру, раскрытие мира еще не есть его удостоверение, и любое удостоверение основано на изначальной разомкнутости мира. В-третьих, потому что в рамках раскрытия ἀλήθεια окончательное раскрытие мира по типу его окончательной данности в принципе невозможно. Что, конечно, не означает того, что раскрытие в концепции ἀλήθεια всегда является «частичным», потому как оно в принципе неизмеримо количественными критериями.

Однако это не значит, что в «раскрытии» и «сокрытии» в понимании Хайдеггера, даже если они не соответствуют критериям, выдвигаемым Э. Тугендхатом, нет определенности, что граница между ними размыта и не ясна. Уже в «Бытии и времени» сокрытость отчетливо противопоставляется истине как то, что ей противостоит. Хайдеггер пишет, что присутствие должно открытое каждый раз «усваивать себе против кажимости и искажения» [6, с. 222]. При этом данное «против» Хайдеггер подчеркивает, выделяя его в тексте. «Кажимость и искажение» здесь выступают как следствия λήθη, являющейся более глубоким происходящим в «бытийном расположении» сущего. А в поздних работах еще более отчетливо подчеркивается значимость того, что граница между ἀλήθεια и λήθη находится в постоянном напряжении, постоянном противоборстве. Сокрытость и раскрытость не «растворяются» друг в друге — а держат друг друга в постоянном напряжении. Борение сокрытия и раскрытия — это то состояние, в которое погружено все сущее в трактовке ἀλήθεια.

Нельзя также утверждать, что Хайдеггер недостаточно внимания уделял осмыслению «не-истины». Философ неоднократно высказывался о том, что истину можно понять только через ее противоположность. В поздних работах эта «не-истина» и начинает занимать главнейшее место в осмыслении самой истины, и Хайдеггер все больше и больше обращается к λήθη, как к тому загадочному центру, благодаря пониманию которого только и можно приоткрыть сущность ἀλήθεια.

Обратим внимание на то, что в хайдеггеровской концепции истины нельзя также сказать, что «не-истина» сливается с истиной, даже если исходить из самой логики Э. Тугендхата. Ведь Хайдеггер пишет не только о том, что сущее «открыто, однако вместе с тем искажено», но и о том, что «прежде открытое опять тонет назад в искажение и потаенность» [6, с. 222]. В соответствии с этим тезис Э. Тугендхата о том, что «не-истина» растворяется в истине, можно было бы тогда уже дополнить тезисом о том, что и «истина» также растворяется в «не-истине». Однако данное положение также относилось бы к тому осмыслению хайдеггеровской мысли с точки зрения классической концепции

истины, которое стремится вычлениить «полезные наработки» хайдеггеровской концепции, и отбросить «бесполезные».

Но изымать из концепции Хайдеггера какую-то ее часть — значит упустить все целое. Для того, чтобы уловить сущность истины и ее противоположности в концепции истины Хайдеггера, необходимо прежде всего понять их взаимоотношения. Ведь суть недоразумения, с которым сталкивается Э. Тугендхат, в значительной мере заключается в непонимании того специфического отношения, в котором пребывают раскрытие и сокрытие. Важнейшей задачей на пути к разъяснению сущности и роли $\lambda\eta\theta\eta$ в $\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$, выступает прояснение того отношения, в котором эти своеобразные «истина» и «не-истина» пребывают между собой.

Интересно, что Э. Тугендхат не может различить «переходной грани» между раскрытием и сокрытием в хайдеггеровской концепции истины, считая, что их границы размываются и их сущность ускользает, в то время как Хайдеггер противоборство между ними помещает в самую сердцевину сущего. В связи с этим противостояние, которое в классической концепции истины заключалось в человеческом познании в пределах человеческой субъективности, оказывается в $\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ более глубоким. Предлагая новую концепцию истины, Хайдеггер предлагает и новую взаимосвязь между истиной и ее противоположностью. Мало того, можно сказать, что эта перемена во взаимосвязи в итоге и составляет значительнейшую сторону хайдеггеровской концепции истины. «“Истина” есть отношение», — пишет Хайдеггер в работе «Бытие и время» [6, с. 215]. Потому как сама связь преобразует то, что находится «на ее концах». Хоть в хайдеггеровской концепции истины $\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ и $\lambda\eta\theta\eta$ и пребывают в бесконечном борении, они не противостоят друг другу таким образом, как истина и ложь в классической концепции истины. Однако это не означает что противостояния между ними нет как такового. Хайдеггер считает, что это противостояние еще глубже, чем то, которое существует между истиной и ложью в классической концепции истины, и является изначальным противостоянием, из которого все остальные являются только производными.

СОКРЫТИЕ, КОТОРОЕ «НЕКОТОРЫМ ОБРАЗОМ РАСКРЫВАЕТ»

Каким же образом осуществляется «раскрытие путем сокрытия»? Э. Тугендхат соглашается, что данное положение нельзя считать некоторой мерой сокрытия и раскрытия, количественным соотношением того и другого [11, с. 140]. Очевидно, что «раскрытие путем сокрытия» осуществляется другим образом.

Сокрытость, которая «некоторым образом раскрывает», не становится, тем не менее, раскрытостью как таковой, и сохраняет за собой свойство противостоящего истине. Если «не-истина» действительно «растворяется» в истине как раскрытии, почему тогда Хайдеггер, спрашивает Р. Дуитс, характеризует ее в терминах *Verdecken* («прикровенность»), *Verstellen* («заставление»), *Verschlossenheit* («закрытость»), *Entwurzelung* («лишение корней»), *Verborgenheit*

(«сокрытость»), Entdecken im Modus des Scheins («открытость в модусе кажимости») и т. д., «а не просто с точки зрения раскрытия» [11, с. 214]?

Говоря о том, что сокрытие в некоторой мере является раскрывающим, Хайдеггер указывает на сохраняющую функцию $\lambda\eta\theta\eta$. В поздних работах данный тезис проясняется в связи с трактовкой $\lambda\eta\theta\eta$ как того, что не только противостоит, но и хранит в себе $\alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$. $\lambda\eta\theta\eta$ — это то, что сохраняет и бережет истину даже в период «забвения бытия». $\lambda\eta\theta\eta$ — это то, что дает место истине в «темные времена», «пряча» ее, для того, чтоб она никогда не исчезла «окончательно». В связи с этим $\lambda\eta\theta\eta$, конечно, значительно отличается от «не-истины» в классической концепции истины. Ведь если в последней «не-истина» является тем, что полностью истине враждебно, что ее полностью исключает — то $\lambda\eta\theta\eta$ выступает тем, что в мире, в котором нет места раскрытию, сохраняет ему место. При этом, «сохраняя место раскрытию» сокрытие не перестает быть тем, что находится с ним в постоянном противоборстве. Сокрытие находится в глубоком «сохраняюще-воюющем» противоборстве с истиной, в котором сокрытие и раскрытие совмещены. Только благодаря этому классическая оппозиция истины и лжи только и становится возможной, считает Хайдеггер.

Хорошим примером «сокрытия, которое некоторым образом раскрывает», является пещера, «которая, как известно, нечто скрывает, оставаясь при этом несокрытой» [10, с. 87]. Пещера одновременно и скрыта и, некоторым образом, раскрыта. Хайдеггер не случайно подчеркивал этимологическую близость между словами Verhehlen («утаивание») и Höhle («пещера») в немецком языке. Можно сказать, исходя из мысли Хайдеггера, что сущее подобно пещере. Это можно истолковать двумя способами: и таким образом, что оно несокрыто, имея в глубине все-таки скрытое, и, напротив, что оно — сокрыто, при этом никогда не «скрываясь до конца» и имея всегда в себе некоторую раскрытость.

Следует отметить, что данное устройство «сокрытия, которое некоторым образом раскрывает» встречается во многих местах творчества Хайдеггера, и в тех работах, в которых проблематика истины специально не проговаривается. Так, в «вечернее время» западной истории, во время забвения бытия, истину приоткрывает тот, кто сознает глубину удаления от нее, а через понимание того, что «мы еще не мыслим» в собственном смысле слова — намечается путь мышлению.

Данному «некоторым образом раскрывающему» сокрытию в хайдеггеровской концепции истины сопутствует так же процесс «скрытия через «окончательное раскрытие»». Именно там, где человек полагает, что может обладать истиной, которая ему целиком и окончательно дана и раскрыта, сущее скрывается. Так, человек начинает наиболее заблуждаться относительно того, что является определяющим в его мышлении, именно тогда, когда он наиболее убежден в своей власти располагать миром.

Таким образом, критика Э. Тугендхата, касающаяся «концептуализации «не-истины»» в хайдеггеровской мысли, строится на непринятии такого отношения между $\alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ и $\lambda\eta\theta\eta$, согласно которому «не-истина» находится одновременно в противоборстве по отношению к истине, но при этом является также тем, что ее сохраняет. Это «сохраняюще-воюющее» противоборство с ис-

тиной, в котором находится λήθη, и составляет центр непонимания данного места критики Э. Тугендхата.

СУЩНОСТЬ ΑΝΘΗ

Сокренность, не будучи тем, что исключительно противостоит раскрытию, но являясь также и тем, что его сберегает, действительно, значительно отличается от лжи в классической концепции истины. Следует отметить, что если в начале осмысления ἀλήθεια наибольшее внимание Хайдеггер уделяет ее раскрывающей стороне, то в более поздних работах, напротив, именнороль λήθη в сущности ἀλήθεια наиболее занимает мышление философа.

Хайдеггер пишет: «Это может показаться диковинной бессмыслицей, если мы привыкли считать, что «позитивное» никогда не может возникнуть из негативного и самое большее, что возможно, — это обратный процесс, то есть возникновение негативного из позитивного» [10, с. 56]. Исходя из древнегреческого слова ἀλήθεια, получается так, что именно истина устроена таким образом, что образует собой негацию, благодаря привативному «α». Первичным здесь как раз выступает λήθη, «сокрываемость», «не-истина» — то, что классическим метафизическим мышлением полагается как вторичное. И если привычные структуры мысли не позволяют представить, каким образом «позитивное возникает из негативного» в древнегреческом мышлении, то необходимо пересмотреть «привычные структуры мысли».

В концепции Хайдеггера то, что борется с истиной, не просто является ее отрицанием и отсутствием, не является чистой негацией истины. «Не-истина» в концепции Хайдеггера содержательна, и удивительным образом сама истина, сама ἀλήθεια выступает негацией этой «изначальной содержательности» «не-истины» λήθη. Хайдеггер неоднократно указывает на удивительный факт наложения сокрываемости на сущность истины в древнегреческом понимании [10, с. 56]. «Не-истина — это не просто отрицание отсутствия истины, в не-истину как раз помещается истина» в хайдеггеровской ἀλήθεια [13, с. 293].

Так что вместо «растворения «не-истины» в истине», как полагал Тугендхат, здесь, скорее, обнаруживается, напротив, печать сокрываемости, λήθη, на самой истине. Однако, безусловно, в осмыслении сущности ἀλήθεια раскрытость и сокрываемость присутствуют одновременно, что бы из них ни выходило на передний план осмысления.

Следует все же признать, что в § 44 «Бытия и времени», являющемся центральным объектом для критики Хайдеггера Тугендхатом, истина трактуется несколько иначе, чем в его более поздних работах. Так, многое в ἀλήθεια и λήθη проясняется, например, в поворотных работах «О сущности истины», «О сущности основания». Многое о λήθη проясняется из работ, посвященных древнегреческой мысли, в которых отчетливо проговорена существеннейшая сторона сокрываемости — а именно то, что ее неправильно понимать в контексте человеческой субъективности [10, с. 87–88].

Несокрытость не просто «примысливается» к сфере сокрытого [4, с. 29], не просто имеет λήθη в своем круге, но основывается в ней, из нее произрас-

тает, в ней «укоренена». Но что означает эта укорененность? Что означает то, что ἀλήθεια всегда носит «отпечаток λήθη»?

Традиционно сущее принято осмыслять из истины. Хайдеггер же предлагает прикоснуться к совершенной другой традиции мысли. Немецкий философ предлагает определенным образом «перевернуть» привычное мышление, и начать мыслить в корне сущего саму тайну. Обратимся к изречению Гераклита, мысль которого всегда была чрезвычайно важной для Хайдеггера. Изречение Гераклита «Тайная гармония лучше явной» указывает на ту скрытую сторону сущего, которая не является простым отрицанием истины. Тайна здесь не скрывает истинное содержание, наоборот, сама тайна и есть подлинное содержание сущего. И если, например, в сфере научно-технического, нераскрытый закон природы хорош лишь постольку, поскольку он когда-то станет раскрытым, то здесь «тайная гармония» хороша именно потому, что она скрыта. Таким образом, «тайная гармония» здесь не есть просто «нераскрытая истина». Она уже осуществляет свою власть, будучи сокрытой, и именно будучи сокрытой она делает это лучше всего.

Более точный перевод слова κρείττων, которое в русском переводе дано как «лучше», это «могущественнее, сильнее». В Хайдеггеровском переводе данного фрагмента эта особенность учтена: «Утаенная гармония выше и могущественнее открыто лежащей на виду» [9, с. 64]. В своем переводе Хайдеггер хотел подчеркнуть эту «властную сторону» сокрытости.

Если в классической концепции истины именно истина наделена положительным содержанием, а ложь — всегда выступает «отрицанием» данного содержания как нечто вторичное, то в данной концепции все наоборот. Именно сокрытие здесь надделено положительным содержанием, и, возможно, его содержание является наиболее существенным для мысли. Осенью 1949 г. Хайдеггер пишет, по свидетельству Ж. Бофре, что «в горной цепи бытия самой высокой вершиной является гора Забвения» [1, с. 129].

Хайдеггер призывает не стремиться всеми средствами извлечь тайну на поверхность, а постараться проникнуть в суть самой тайны, обратиться к самому сокрытому. Ведь улавливая отпечаток «царствования» λήθη на всем сущем — все сущее так же способно предстать в другом свете. Сокрытое, таким образом, это не то, что только ждет своего раскрытия и воплотится только в нем. Сокрытое, тайна — содержательны сами по себе. Сокрытость не второстепенное, привнесенное качество сущего. Это его существеннейшая сторона.

В классической концепции истины все ложное оказывается вынесенным за ее границы. Здесь же все наоборот. Ἀλήθεια остается собой лишь постольку, поскольку сохраняет связь с λήθη и продолжает корениться в ней. Λήθη — это не то, что находится вне истины, а ее основа, ее корень, та сфера, которая каждый раз дает о себе знать в ней самой. «Несокрытость принадлежит той сфере, в которой совершается сокрытие и сокрытость» [10, с. 48].

Интересно, что когда в сущем «царствует» λήθη, человеческое соприкосновение с ἀλήθεια всегда предполагает бережность. В контексте ἀλήθεια мир в своей сущности сокрыт и остается таинственным. В момент раскрытия ἀλήθεια, в которой властвует λήθη, человеку нужно самому «затаиться» и вслушаться, чтобы не навредить «сохраняюще-воюющему единству», в которое он оказался

вовлечен. В то время как классическая концепция истины, напротив, предполагает в процессе «добычи истины» познающий активный напор, в котором человек «пересиливает» сущее, отвоевывая у природы ее тайны.

Парменид и Платон, как известно, связывают этимологию ἀλήθεια с θεά (θεός) [3, с. 658], связывая истину со сферой божественного. Хайдеггер же, трактуя ἀλήθεια из λήθη, связывая истину с сокрытием, с рекой Летой, с «потоком забвения» [12, S. 139], по сути, идет, даже этимологически, по другому пути, чем Парменид и Платон, которых он считал основателями западноевропейской метафизики.

Итак, λήθη, согласно Хайдеггеру, — свойство самого сущего. В связи с этим можно сказать, что эта своеобразная «не-истина» занимает в хайдеггеровской концепции истины намного большее место, чем ложь — в классической концепции истины. Она имеет свои особенности, но вовсе не отсутствует и не «растворяется» в учении Хайдеггера об истине.

Таким образом, сокрытость в концепции истины Хайдеггера значительно отличается от классической концепции лжи. Прежде всего, сокрытость — это свойство самого сущего, а не свойство человеческого познания. Во-вторых, сокрытость не только находится в постоянном противоборстве с истиной, но и сохраняет ее и бережет, в то время как в классической концепции ложь является тем, что полностью отрицает истину. В-третьих, сокрытость «отмечает собой» существо истины и «предшествует» несокрытости ἀλήθεια, на что указывает, с точки зрения Хайдеггера, также этимология этого слова, а в классической концепции истины «не-истина», как отрицание и негативность, возможна только «после» позитивности истины.

Следует отметить, что стремление Э. Тугендхата совместить наработки хайдеггеровской концепции истины с классической, изначально является неудачной предпосылкой для анализа мысли Хайдеггера, по мнению многих исследователей. Сокрытость некорректно изымать из ее контекста и искусственным образом помещать в классическую концепцию истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером. Путь Хайдеггера / пер с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб.: «Владимир Даль», 2009.
2. Пётгелер О. Новые пути с Хайдеггером / пер с нем. А. В. Перцева и О. А. Матвейчева. — СПб.: «Владимир Даль», 2019.
3. Платон. Собрание сочинений, в 4 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1990.
4. Разинов Ю. А. Истина и тайна: четыре аспекта греческой алетей // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2012. — Т. 12, вып. 2. — С. 29–33.
5. Тугендхат Э. Хайдеггеровская идея истины // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. — Минск: ЕГУ, 2001. — С. 135–145.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М.: «Академический проект», 2015.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В. Бибихина. — М.: Республика, 1993.

8. Хайдеггер М. Гераклит / пер. с нем. А. П. Шурбелева. — СПб.: «Владимир Даль», 2011.
9. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество / пер. с нем. В. В. Биbihина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. — СПб.: «Владимир Даль», 2013.
10. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. — СПб.: «Владимир Даль», 2009.
11. Duits R. On Tugendhat's analysis of Heidegger's concept of truth // *International Journal of Philosophical Studies*. — 2007. — Vol. 15 (2). — P. 207–223.
12. Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 34: Vom Wesen der Wahrheit. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1988.
13. Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 88: Einübung in das philosophische Denken. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2008.
14. Kockelmans J. On the truth of being: Reflections on Heidegger's later philosophy. — Bloomington: Indiana University Press, 1984.
15. Lafont C. Heidegger, Language, and World-Disclosure (Modern European Philosophy). — Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
16. Malpas J. The twofold character of truth: Heidegger, Davidson, Tugendhat // *The multidimensionality of hermeneutic phenomenology* / ed. by B. Babich, D. Ginev. — New York, 2014. — P. 243–266.
17. Smith W. Why Tugendhat's Critique of Heidegger's Concept of Truth Remains a Critical Problem // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. — 2007. — Vol. 50 (2). — P. 156–179.
18. Tugendhat E. Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger. — Berlin: De Gruyter, 1970.
19. Livingston P. Heidegger, Davidson, Tugendhat, and truth / University of Sydney. Philosophy Department Colloquium. Sydney, 2011. — URL: <https://www.unm.edu/~pmliving/Heidegger,%20Davidson,%20Tugendhat,%20and%20Truth%20.pdf> (дата обращения: 11.08.2020).